

Е. Г. Неклюдов

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА
В НАЧАЛЕ XX в.: ПРОЕКТЫ С. П. ФАРМАКОВСКОГО**

Начало XX в. ознаменовалось вступлением уральской горнозаводской промышленности в полосу кризиса, который, как неоднократно отмечали специалисты, приобрел особо острый и затяжной характер. «Положение металлургической промышленности на Урале в настоящее время считается весьма тяжелым, — писал в 1908 г. известный горный деятель С. П. Фармаковский. — За исключением двух–трех округов, экономическое состояние которых можно признать относительно благополучным, остальные 18–19 предприятий переживают в большей или меньшей степени острый финансовый и экономический кризис».¹ Такая специфика кризиса оказалась, на наш взгляд, не только проявлением временного спада рыночной конъюнктуры, но и результатом более глубоких причин, связанных с исчерпанием потенциала «уральской модели» развития крупной металлургии.

Возникший в начале XVIII в. на Урале новый промышленный район получил беспрецедентно динамичное развитие благодаря внедрению передовой для того времени технологии двухстадийного металлургического передела с использованием водной энергии и древесно-угольного топлива. Обладавший богатейшими природными ресурсами, адекватными потребностям крупного промышленного производства, Урал, казалось, на века обеспечил себе роль металлургического центра страны. Именно благодаря его развитию Россия осуществила рывок «петровской модернизации» и приобрела значение крупнейшей мировой державы. Последующий технический прогресс, вылившийся в индустриальную революцию XIX в., охватил все стадии металлургического процесса и энергетическую базу, но фактически не затронул топливное хозяйство и организационную структуру уральской промышленности, представленную рядом самодостаточных многоотраслевых территориально-хозяйственных

комплексов — горнозаводских округов. Неизбежное при таком варианте развития отставание важнейшей отрасли экономики страны, которое уже в середине XIX в. привело к падению статуса России как мировой державы, могло быть преодолено двумя путями. Первый предполагал переход уральской металлургии на минеральное топливо и «разгораживание» горнозаводских округов, второй — создание нового промышленного района там, где сложились благоприятные условия для развития коксовой металлургии. Как в свое время Урал, так в 1880–1890-е гг. Донецко-Криворожский район стал этой новой металлургической базой страны, благодаря которой к началу XX в. в России значительно возросло производство железа, а Урал уступил Югу свою ведущую роль.

«Все внимание правительства за последние 20–25 лет было обращено на Юг России, — констатировал тот же С. П. Фармаковский. — Министерству графа С. Ю. Витте надо было строить железные дороги, нужны были рельсы, паровозы, вагоны и т. д., и для этого всемерно вызывалось к жизни железное дело на Юге России, где с этой целью проводились пути сообщения и создавалась прочая промышленная обстановка, тогда как Урал... почти совершенно игнорировался».² На фоне динамично развивавшегося Юга уже на рубеже XIX–XX вв. во влиятельных правительственных кругах сложилось представление о бесперспективности «старого Урала» и о будущем его металлургии как отрасли лишь регионального значения. В нескольких ведомственных и межведомственных комиссиях всерьез обсуждались проекты ликвидации крупных горнозаводских имений путем «разверстания» лесов между владельцами и казной или частичного восстановления принципа «горной свободы», что грозило, по мнению заводчиков, полной остановкой их предприятий.

Затянувшийся кризис уральской металлургии начала XX в. актуализировал споры во властных структурах, в промышленных кругах, среди ученых и общественных деятелей о состоянии и перспективах развития Горнозаводского Урала. Уральские заводчики, в частно-

¹ Фармаковский С. П. Возрождение Урала. СПб., 1908. С. 3.

² Он же. Горнозаводские дела Урала. СПб., 1909. С. 24.

сти, активно противодействовали намерениям властей и выдвигали альтернативные предложения, опираясь не только на идею «исторических заслуг Урала», но и на программу мер, разработанных авторитетными российскими учеными в ходе всестороннего обследования уральских заводов комиссией Д. И. Менделеева в 1899 г. В комплекс первоочередных мер по подъему уральской металлургии, предложенных этой комиссией и разделявшихся заводчиками, входили такие, как завершение землеустройства горнозаводского населения, ликвидация посессионного права, приватизация казенных заводов, открытие рынков древесного топлива и железной руды, а также развитие региональной и трансрегиональной железнодорожной сети.³ Эти меры, безусловно, облегчили бы развитие промышленности в условиях нового витка российской модернизации. Большинство специалистов, разбиравшихся в проблеме, поддерживали их, размышляя в основном над приоритетом тех или иных мер. Однако среди них были и такие, которые считали, что даже комплекс предложенных мер не сможет кардинально изменить сложившуюся ситуацию, так как для этого требовались более глубокие преобразования.

Пожалуй, наиболее далеко идущими являлись проекты, выдвинутые уже упоминавшимся Семеном Петровичем Фармаковским, известным экономистом и крупным администратором, хорошо разбиравшимся в «горнозаводских делах Урала». Он был участником съездов горнопромышленников Урала и занимал должность управляющего делами крупнейшего регионального синдиката железозаводчиков «Кровля», организованного в 1906 г. С. П. Фармаковский опубликовал в 1906–1913 гг. ряд статей и докладов в Императорском Русском техническом обществе, представивших его идеи по «возрождению Урала».⁴

Почувствовав пессимистичный для Урала и оптимистичный для Юга правительственный прогноз, в своих докладах С. П. Фармаковский настаивал на том, что «для территории, равной 1/6 части земного шара», необходимое количество такого важнейшего продукта, как чугун,

«не может быть получено из одного места» ни по ресурсным и экономическим соображениям, ни с «географической точки зрения». Ограниченные возможности западных районов Российской империи и Кавказа не позволяли ожидать от них «большого участия в снабжении страны чугуном». «Сколько ни кричали бы, что Урал обречен на смерть, что он уже наполовину умер, — утверждал автор, — все-таки это будет или заведомая ложь, распускаемая из-за тактического приема борющимися с Уралом группами, или же то наивное заблуждение, которое распространяется массой добровольных агитаторов, усвоивших неверные положения с голоса различных патентованных авторитетов».⁵

Именно Урал «по многообразию и величине благоприятных... условий и их счастливому сочетанию» мог рассчитывать, по мнению экономиста, на «поистине хорошее будущее». Предпосылки к тому заключались в «срединном» положении края и в его «естественных» связях с Сибирью, северо-восточными районами России и Поволжьем, что обеспечивало Урал «в отношении рынков» значительно лучше других промышленных регионов страны. «Вторым устоем, на котором покоится жизнеспособность горного и горнозаводского дела», С. П. Фармаковский считал обеспеченность края богатейшими запасами железных руд. Месторождения бурого железняка были «разбросаны всюду», десятки миллиардов пудов магнитного железняка находились в недрах Гороблагодатского, Высокогорского, Синарского, Бакальского, Магнитогорского и других крупных месторождений. Мало того, уральские руды «в массе случаев» имели превосходное качество: содержали от 50 до 65% железа и были легкоплавкими.

Вопреки распространенным мнениям, Урал представлялся С. П. Фармаковскому «жизнеспособным» и в отношении древесного топлива. Ученый не отрицал, что некоторые горнозаводские округа действительно «обрубались», в других были малы лесные дачи, в третьих — истощились леса, «доступные гужевому способу подвоза». «Но все это такие частности, — утверждал он в 1909 г., — которые, во-первых, имеют значение лишь при существующих условиях и способах производства, а во-вторых, не дают цельного представления обо всем крае. Нужно рассматривать Урал в отношении запасов топ-

³ См.: Уральская железная промышленность в 1898 г. / Под ред. Д. И. Менделеева. Екатеринбург, 2006. С. 841–857.

⁴ См.: Фармаковский С. П. Надо действовать // Уральское горное обозрение. 1906. № 1; Он же. Возрождение Урала...; Он же. Горнозаводские дела Урала...; Он же. К вопросу о законодательном регулировании синдикатов и трестов. СПб., 1910; Он же. Железные руды Урала как источник дешевого чугуна. М., 1913.

⁵ Фармаковский С. П. Горнозаводские дела Урала. С. 4.

лива как целое, безотносительно к границам, распределяющим леса по отдельным заводским округам или по отдельным владениям». Подобный взгляд на лесные богатства края позволял автору, как и несколько лет назад Д. И. Менделееву, считать Урал «абсолютно обеспеченным» древесным топливом на многие годы. «В то время, когда запасы минерального топлива уменьшаются с каждым ударом кайла... — писал он, — запасы древесины, расходуемые рационально, с каждым годом непрерывно возобновляются и, таким образом, при правильном ведении лесного хозяйства остаются неистощимыми». Наконец, еще одно «крупное преимущество Урала» он видел в наличии «постоянного оседлого кадра рабочих, сроднившихся с заводским делом».⁶

Однако все эти несомненные достоинства края диссонировали с существующим «относительно слабым» развитием горнозаводской промышленности Урала и «весьма болезненным ее доминирующим состоянием». Важнейшей причиной этого являлось, по мнению С. П. Фармаковского, неизжитое даже в начале XX в. «наследие старины», которое в общем виде выражалось в организационно-правовых основах окружной системы заводского хозяйства. После отмены крепостного права владельцы заводов остались «обремененными обязательными отношениями к рабочим и отягощенными громадным земельным хозяйством, связанным с устройством быта населения, что и отвлекало заводчиков от их прямой деятельности». Размежеванный на огромные владения Урал оставался замкнутым «для сторонней промышленной инициативы» и в то же время ограниченным в своей деятельности посессионным правом, отсутствием рынков руды и топлива и тем, что заводчики не могли получать сырье «извне собственного хозяйства».

Другим «плодом исторических особенностей Урала» являлась «разбросанность, раздробленность и мелочность производств» в каждом округе, возникшая «в силу непреодолимых естественных причин» и уже указанной обособленности. Следствиями этого были «невольная» техническая отсталость, отсутствие специализации, громоздкие штаты заводских администраций, значительные накладные расходы, высокая себестоимость продукции, повышенное «задолжение ка-

питала» и его длительная оборачиваемость, что в итоге делало продукцию уральских заводов неконкурентоспособной в сравнении с предприятиями Юга России. По мнению экономиста, такое «сложное и многообразное, замкнутое в себе хозяйство, отрасли которого искусственно связывались между собою, редко удавалось организовать безубыточно», что дискредитировало «всякие начинания в глазах владельцев». Их отношение к заводам нередко оказывалось индифферентным. «Во многих случаях, живя постоянно за границей, они интересовались делом только в смысле присылки денег», и были даже случаи, когда ставили директором-распорядителем гувернера. Акционирование и синдицирование уральской промышленности лишь отчасти решали указанные проблемы, упорядочивая управление заводами и сбыт готовой продукции.

Единственным средством противостоять «мощной организации и конкуренции Юга», что было, конечно, не под силу «разрозненным заводам-лилипутам Урала», представлялось С. П. Фармаковскому «полное экономическое объединение» всех уральских металлургических предприятий в форме треста. Для этого необходимо было «отделить землевладение от заводского дела» путем передачи владельцами в трест только заводов, обеспечив их «долгосрочными контрактами на право исключительного пользования лесами и рудами». «Польза от такого объединения будет огромная и для заводов, и для владельцев», — полагал автор проекта, поскольку устранится обособленность округов, появятся возможности специализировать производство путем рационального раздела рыночного ассортимента между заводами, а также централизовать его «до известной степени» и упростить управление. Все это позволило бы тресту сэкономить значительные денежные средства, восстановить сократившийся кредит и осуществить масштабное и целесообразное техническое переоборудование предприятий. Владельцы при этом «избавятся от хлопотливого и, по нынешним временам, убыточного заводского дела», получают доход «в виде платы за дрова, лесной материал, руду и др. ископаемые» и «смогут внимательнее отнестись к другим богатствам своих округов, ныне почти не эксплуатируемым».

Вполне осознавая, что «владельцы будут цепко держаться за свое индивидуальное владение» и сопротивляться реализации этого проекта, его автор полагал, что все более ухуд-

⁶ Там же. С. 5–12.

шавшаяся экономическая ситуация все-таки заставит их объединиться для создания треста и понять, что лучше «получать дивиденды вместо убытков и... сохранения мнимой свободы». «Приспособиться же они в одиночку положительно не в состоянии, — заявлял он. — Этому кладет предел их естественная зависимость от древесного топлива».⁷

Грандиозный проект управляющего синдиката «Кровли» нашел поддержку у Совета съездов горнопромышленников Урала, выступившего со специальным обращением к заводоладельцам. В 1909 г. при Совете работала особая «объединительная комиссия». Но из-за разногласий среди заводчиков, которые не смогли объединиться даже вокруг синдиката «Кровля», предложения С. П. Фармаковского остались тогда лишь на бумаге.⁸ Новая оценка ситуации послужила, видимо, поводом к корректировке плана преобразований. В мае 1913 г. он направил директору Горного департамента свою новую брошюру с не менее внушительным пакетом предложений, на первый взгляд не связанных с выдвинутым четыре года назад проектом. «Позвольте мне в качестве лица, занятого в течение свыше 20 лет в уральских делах, — писал С. П. Фармаковский, — обратить Ваше внимание на трактуемый в прилагаемой брошюре вопрос об организации на Урале выплавки чугуна на сибирском коксе».⁹

Идея эта была не нова. С конца XIX в. она высказывалась государственными деятелями и учеными, обсуждалась на страницах периодической печати и на съездах уральских горнопромышленников.¹⁰ Поводом к тому служили первые практические шаги по освоению природных ресурсов Сибири, предпринимаемые казной и частными лицами. Строительство Транссибирской магистрали, открытие богатых каменноугольных копей в Западной Сибири и Казахстане, первые попытки их освоения (деятельность Воскресенского горнопромышленного товарищества купца А. И. Де-

рова и К^о в 1899 г., Общества Судженских каменноугольных копей Л. А. Михельсона в 1900 г.) порождали определенные надежды. Подталкивали к тому и высказываемые в конце XIX в. прогнозы близкого истощения Криворожского железорудного бассейна. Но они вскоре были признаны ошибочными, а ограниченные возможности Транссиба, слаборазвитая уральская железнодорожная сеть и высокие тарифы на грузовые перевозки сделали невыгодным использование сибирского угля на Урале. Неудача первых масштабных разработок сибирских и казахстанских копей, сохранявшаяся надежда на применение в доменной плавке уральского антрацита и углей, а также поддержанная авторитетом маститых ученых ориентация заводчиков на использование далеко не исчерпанных ресурсов традиционного топлива на Урале и в сопредельных регионах — все это вместе взятое надолго отодвинуло идею соединения Сибири и Урала в единый промышленный комплекс. Сыграл свою роль и наступивший в начале XX в. промышленный кризис. Даже после его относительного преодоления, в 1911 г. на XVI съезде горнопромышленников Урала предложение о привозе кокса из Сибири было названо «фантастическим».¹¹

Однако уже к 1913 г. настроения уральских предпринимателей коренным образом изменились, что и нашло отражение в очередном проекте С. П. Фармаковского. «Организация широкого использования железорудных месторождений Урала вообще, а южной его части в особенности, путем переплавки руды на коксовых углях, — сообщал он тогда директору Горного департамента, — в настоящее время достаточно сильно интересует предпринимательские и финансовые круги, так что вопрос этот не только разбирается с отвлеченной, теоретической стороны, но и поставлен на совершенно практическую почву, где капитал и труд вполне организованы».¹²

Теперь автор проекта категорически заявлял, что значительное увеличение выплавки чугуна из богатых и качественных уральских руд невозможно на древесном топливе, «которое на Урале дорожает, т. к. леса все более и более отвлекаются на изготовление подделочных материалов». «Для вполне солидной

⁷ Фармаковский С. П. Возрождение Урала. С. 13–21.

⁸ См.: Сапоговская Л. В. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 2007. С. 74.

⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1688. Л. 20.

¹⁰ См.: Рукоусев Е. Ю. Снабжение уральских горных заводов минеральным топливом: дискуссии на съездах горнопромышленников Урала в конце XIX — начале XX в. // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Екатеринбург, 2010. С. 118–128; Микитюк В. П. Периодическая печать Екатеринбурга и проблема снабжения уральских металлургических заводов сибирским углем (конец XIX — начало XX в.) // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. С. 129–148.

¹¹ Тимошенко А. И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Новосибирск, 2007. С. 53.

¹² РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1688. Л. 20.

постановки выплавки чугуна на Урале, постановки, соответствующей железорудным богатствам этого края, нужен кокс, — писал он. — Коксующихся углей на самом Урале не найдено, да и едва ли будет найдено. Все разговоры об уральском коксе до сих пор оказывались вздорными. Более реальным представляется привоз на Урал кокса из сибирских месторождений каменного угля: Судженки, Кузнецка, Экибастуза и из района проектируемой Южно-Сибирской магистрали... Возможность такого привоза обнаружилась только теперь, когда вопрос о пониженных тарифах на сибирский уголь близок к разрешению». Немаловажную роль в перемене взглядов, видимо, сыграло и создание в 1912 г. акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей («Копикуз»), которое получило от Кабинета Его Императорского Величества долгосрочную концессию на разработку угля в Алтайском горном округе и на строительство железнодорожной ветки от рудников до Сибирской магистрали.

Проведенные С. П. Фармаковским расчеты показывали, что пуд чугуна, выработанного на сибирском коксе из руд Гороблагодатского месторождения, может стоить всего 41,2 коп., из руд Высокогорского — 37,2, Алапаевского — 40,7, Синарского — 38,7, Бакальского — 36,8–37,7 и Магнитогорского — 31,1–35,1 коп. Такая себестоимость чугуна признавалась вполне сравнимой со стоимостью чугуна южнороссийских заводов и «настолько благоприятной», что «вопрос об устройстве на Урале новых доменных печей в расчете на привозной сибирский кокс» представлялся автору проекта «вопросом злободневным, требующим к себе самого внимательного отношения». Но для этого было необходимо поднять уровень разработки уральских железорудных месторождений. «Далеко не все они в настоящее время могут с выгодой использоваться... — констатировал автор. — Их разработка поражает своей разбросанностью, отсутствием концентрации, создающими дороговизну добычи».¹³

В своих размышлениях на этот счет С. П. Фармаковский ориентировался на доклад Совета XVII съезду горнопромышленников Урала, состоявшемуся в марте 1912 г., о «неблагоприятных условиях, сопровождающих снабжение рудой уральских заводов».

В нем, в частности, отмечалось, что «характерным отличием добычи железных руд на Урале, сравнительно с югом России, является громадное количество рудников, каждый с чрезвычайно малой производительностью». Окружная организация промышленности принуждала заводчиков «добывать руду в разных местах небольшими количествами и, в большинстве, благодаря отсутствию путей сообщения, доставлять гужом на заводы». С. П. Фармаковский утверждал, что «рудное дело на Урале... представляется с современной точки зрения совершенно неорганизованным, но что вовсе не свидетельствует о невозможности такой организации». Видимо, не без его участия на съезде был предложен проект замены множества разрозненных мелких рудников двумя–тремя крупными рудными хозяйствами, которые были бы поставлены на должный технический уровень за общий счет заводчиков и снабжали их заводы качественными рудами и в нужном количестве.¹⁴

Для реализации этого грандиозного проекта необходимы были не только усилия заводчиков, но и мероприятия «общего благоустроительного характера», зависевшие в первую очередь от властей. Обращаясь к руководителю горного ведомства, С. П. Фармаковский предлагал строить железнодорожные подъезды к отдаленным Магнитогорскому и Синарскому рудникам, вести трассирование Южно-Сибирской магистрали в таком направлении, чтобы она прошла через районы добычи каменного угля, установить пониженные тарифы на перевозку уральской руды и сибирского кокса. «Это вопрос не местный, районный. Это вопрос государственный, большой... — резюмировал он свои размышления. — Наша конкурентная мощь должна быть значительно выше теперешней, иначе нам придется уступить исторически принадлежащий нам край другим народам».¹⁵

Нет надобности говорить, что ни один из предложенных проектов не был тогда реализован. Однако масштабные предложения С. П. Фармаковского было бы неверно называть утопичными, поскольку они вполне соответствовали «духу времени» и отражали важнейшие объективные тенденции промышленного развития страны в направлении «капиталистической» монополизации

¹³ Там же. Л. 21–31.

¹⁴ Сапоговская Л. В. Указ. соч. С. 79.

¹⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1688. Л. 21–31.

с характерными для нее специализацией и централизацией производства. Именно ее развитие могло преодолеть прежнюю «феодальную» монополию заводчиков на богатейшие природные ресурсы края и разрушить связанную с этим замкнутую окружающую организацию горнозаводской промышленности, которая не позволяла Уралу вырваться из «оков старины».

Проекты объединения рудного дела и, особенно, перехода на сибирский кокс были ценны не только сами по себе. Их реализация давала шанс на осуществление предложенного ранее проекта «трестирования» уральской металлургии, поскольку при использовании кокса терялась ценность обширных лесных дач в качестве источников топлива для заводов, и тем самым нарушалась исконная связь заводского дела с крупной земельной собственностью, за которую крепко держались заводладельцы. Проекты С. П. Фармаковского, таким образом, включали целый комплекс взаимосвязанных капитальных мер. Ведь преодолеть кризис, который приобрел на Урале системный характер (проявивший-

ся, как тогда говорили, в рудном, топливном и финансовом «голоде»), можно было только комплексным воздействием на укоренившиеся за два века организационные основы горнозаводской промышленности. Центральное место среди предложенных мер занимал переход на сибирский кокс, что требовало обособления и объединения рудного и заводского дела на Урале вокруг крупнейших месторождений и модернизированных металлургических предприятий. Общее направление и последовательность преобразований были выбраны С. П. Фармаковским, по сути, верно; несбыточными оказались лишь надежды на их скорую реализацию усилиями как государства, так и, в особенности, заводчиков. Эти проекты предвосхитили будущее развитие уральской металлургической промышленности, которая после национализации и индустриализации в советский период оказалась организованной по схемам, близким тем, которые были предложены еще в начале XX в. Они и позволили Уралу сохранить роль крупнейшего металлургического центра страны.

Ключевые слова: Урало-Кузбасс, горнозаводская промышленность, системный кризис, С. П. Фармаковский, горнозаводчики, монополии, каменноугольная металлургия

THE POTENTIAL OF THE MINING AND METALS INDUSTRY IN THE URAL IN THE EARLY 20TH CENTURY: S. P. FARMAKOVSKY'S PROJECTS

The article presents a summary of the projects for the reorganization of the Ural mining and metals industry proposed by the general manager of the "Krovlya" syndicate S. P. Farmakovsky in the beginning of the 20th century. His correct understanding of the systemic crisis of the organizational basis of this industry resulted in designing of a feasible action plan for correcting the situation. He named as the first priority the need for the transition of the Urals metallurgy to the Siberian coke, which triggered a chain of further organizational transformations. Their realization during the Soviet period has allowed to keep to region a role of the largest metallurgical center of the country.

Eugeny G. Necludov